

УДК [321.7:316.48](470+571)

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ КОНФЛИКТАМ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ «СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Б.В. Бобылев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук

В статье рассматриваются специфические представления россиян о социально-политических конфликтах как один из факторов формирования модели «суверенной демократии». Под этим углом зрения дана оценка трансформации партийной и избирательной систем и укреплению «вертикали власти» в современной России.

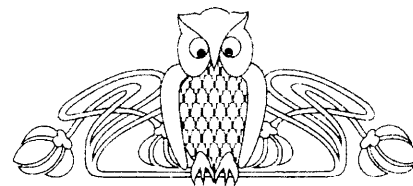
Attitude of Russians to Social-Political Conflicts in the Context of the Formation of a "Sovereign Democracy" Model

B.V. Bobylev

Specific representations of social-political conflicts as a factor of the formation of a "sovereign democracy" model are considered in the paper. The transformation of the party and elective systems and strengthening the power vertical in the modern Russian Federation are estimated at this angle.

Одним из важнейших оснований любой демократической модели общества является отношение граждан к социально-политическим конфликтам. В значительной степени этот фактор определяет потенциальные возможности и реальные параметры системы взаимоотношений между субъектами политики и властью и обществом в целом. На это указывал еще Р. Дарендорф, который утверждал, что «именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами»¹. Поэтому, на наш взгляд, одной из актуальных научных проблем является выявление специфики места и роли в отношении к конфликтам в российской политической культуре в контексте формирования и реализации провозглашенной модели «суверенной демократии».

В дискуссиях относительно однородности или многообразия современных обществ наибольшее распространение получили две точки зрения

В рамках первого подхода существует позиция, которую, по мнению Б. Виттрока, допустимо обозначить как либеральный историзм. После распада Советского Союза либеральная демократия и рыночная экономика, в той специфической форме, в какой указанные институциональные практики проявляют себя в последние десятилетия в различных регионах Северной Америки и Западной Европы, стали рассматриваться в качестве единственно приемлемой модели общественной организации². Одним из первых об этом заявил во время крушения социализма в Восточной Европе в своем либеральном манифесте Ф. Фукуяма, который утверждал, что идущий процесс имеет фундаментальный характер, внося связь и порядок в текущие события: «На наших глазах в двадцатом веке мир был охвачен пароксизмом идеологического насилия, когда либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны. Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе Западной либеральной демократии, возвращается теперь под конец к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма»³.

Сторонники этой позиции считают, что со временем, пусть не сразу, либеральные практики распространятся на весь мир. Один из аргументов заключается в том, что в условиях глобализации значительно возрастает возможности международного права, обусловленные «отходом значительного числа

государств от доктрины абсолютного суверенитета и от идеи полной независимости конституционного развития от международного права»⁴. Главное, что следует из означенной позиции – нет оснований рассчитывать на появление каких-либо фундаментальных институциональных новшеств, способных превзойти типы либеральных институциональных установлений.

На наш взгляд, такой подход позволяет Соединенным Штатам и их союзникам использовать политику двойных стандартов для обоснования силового вмешательства во внутренние дела «государств-изгоев» и навязывания им либеральной модели общественного устройства. Наиболее наглядным примером того, к чему приводит такое навязывание является сегодняшняя ситуация в Ираке, куда через три года после «победы» США над режимом С. Хусейна для укрепления «демократической» модели потребовался дополнительный контингент американских войск. Немного лучше и ситуация с навязанной «демократической» моделью в Афганистане.

Однако и добровольное слепое следование либерально-демократической модели в процессе транзита от одной общественно-политической системы к другой также не всегда эффективно, как это показал опыт постсоветской России. Очевидно, что в 1990-е гг. правящая политическая элита и многие ученые ориентировались на такую модель, в том числе и в части отношения к конфликтам в российской политической культуре.

Значительная часть исследователей уровня, характера и особенностей социокультурных основ конфликтогенности постсоветского российского общества исходили и исходят при этом из анализа последствий тоталитарного наследия. По данным социологических обследований рубежа 1980–90-х гг., российское население в массе своей демонстрировало удивительно низкий порог толерантности: «лишь около 6% граждан способны спокойно воспринимать и переносить позиции и действия окружающих, которые чем-либо им не по душе»⁵.

Столь конфликтогенная ситуация, по мнению авторов книги «Конфликты в совре-

менной России: проблемы анализа и регулирования», во многом обусловлена специфической предшествующего периода исторического развития. Они утверждали, что, «стремясь вклиниться между наличным бытием личности и ее жизненными установками, тоталитаристская идеология навязывала ей в качестве исходного смысложизненного ориентира парадигму преданного служения тоталитарному государству как якобы выразителю общественных интересов»⁶. С крахом тоталитарного режима и началом процесса демократизации российское население получило реальную возможность лично самоопределиваться, какое государство соответствует задачам его собственного формирования и развития и каковы должны быть приемлемые для него «правила игры» в общественной жизни. Вместе с тем авторы считают, что на характер этого самоопределения накладывает негативный отпечаток «груз» тех личностных качеств, которые успели «в массовом масштабе выработаться и укорениться за период господства тоталитарных отношений. Наиболее деструктивными и конфликтными из них представляются:

- взаимная нетерпимость и недоброжелательность;

- недоразвитость в качестве самостоятельных субъектов, способных отчетливо выразить и последовательно провести личный интерес;

- ограниченность культурного уровня и упрощенность духовного мира, в котором зачастую эмоции превалируют над рассудительностью, а узкоэгоистические установки – над широтой души»⁷.

В рамках второго подхода внимание фокусируется на многообразии форм культурной и социально-политической жизни и необходимости учитывать их конкретно-исторические особенности в рамках более широких цивилизационных единиц⁸. Например, И.К. Пантин подчеркивает, что сегодня очевидно, что «расширение “демократического ареала”, включение в него новых стран и народов отнюдь не равнозначны унификации политической карты мира, выравниванию политического ландшафта по меркам и ориентирам развитой либеральной демокра-

тии Запада. Когда в поступательное движение истории втягиваются миллиарды людей, бытие которых связано со всеми известными историческими укладами и общественными формами, феномен демократии оказывается разнообразным и многовариантным, не сводимым к заданному образцу»⁹.

В дореволюционной России преобладающим фактором влияния на убеждения людей и иерархию ценностей выступала религия. Она способствовала ослаблению стресса своей системой абсолютных правил, которые объясняли многие противоречивые и конфликтные ситуации в обществе и максимизировали предсказуемость поведения людей. В советский период функциональным эквивалентом религии стала коммунистическая идеология, которая предлагала универсальные объяснения всех общественных противоречий. В условиях радикальных демократических реформ эта система убеждений и ценностей оказалась в значительной степени разрушенной, но без массового распространения новой ценностной основы общественного развития.

Исходя из такого подхода, российское массовое сознание можно определить как «ценностно-рациональное», т.е. ориентированное не на определенные цели, а на наиболее значимые ценности¹⁰. Ключевые понятия этой ценностной, морально-этической рефлексии – совесть, правда, справедливость. «Жить по совести» – высший морально-ценностной императив традиционного русского человека, который стал определяющим и в отношении к конфликтам.

Сильнее всего такая морально-ценностная ориентация проявлялась в условиях крестьянской общины, когда ее подкрепляли сила групповых традиций и норм разрешения конфликта и их интенсивное воздействие в рамках замкнутого локального социума. Необходимость совместного выживания, сохранения жизнедеятельности социума выработала в общине не только механизм поддержки ее отдельных членов, но и сформировала вполне определенные морально-нравственные качества, тем более что они вполне соответствовали особенностям православного менталитета¹¹. Богатство духовной жизни и

творческий склад русской личности, ее склонность к мечте об иной, вольной жизни постоянно контрастировали с бедностью и застойностью жизни реальной, с терпением и покорностью, пассивностью, выполнявшими функцию психологической адаптации к ней. Противоречия между ценностным сознанием и реальным поведением, внутренние противоречия самого сознания аккумулировались в недрах личной и коллективной психологии. Помимо внутреннего и пространственного эскапизма продуктом этой аккумуляции было «воображаемое освобождение» – предрасположенность русского менталитета к социальной утопии, к ожиданию чудесного и внезапного преобразования жизни¹². Думается, эта предрасположенность предопределяет и противоречивое отношение россиян к конфликтам. С одной стороны, в качестве идеала общественного устройства выступало бесконфликтное состояние, а с другой – его ожидание периодически приводило к мощным взрывам накопившейся негативной энергии и к «бесмысленным и беспощадным» русским бунтам.

Расхождение между статусными ожиданиями и социально-политической и социально-экономической реальностью стало одним из самых распространенных источников конфликтных ситуаций в современной России. Можно согласиться с исследователями данной проблемы, утверждающими, что ранговый диссонанс статусов усугубляется хаотическими процессами во всех статусно-ролевых структурах и системах¹³. Особую роль здесь играет резкое снижение материально-экономического статуса значительной массы населения. Именно материальная неудовлетворенность людей порождает стремление к радикальным формам протеста и наиболее серьезно препятствует восприятию новых демократических ценностей.

По мнению представителей такой позиции, ценностный кризис в современной России носит более масштабный и сложный характер, так как имеет более глубокие корни. Например, Н.П. Медведев считает, что «реалистский подход к анализу политических процессов предполагает, что постсоветские процессы развития можно идентифицировать

как завершающие переход от традиционной к современной цивилизации (период модернизации), что позволяет оценить основные политические конфликты на территории СНГ как «конфликты ценностей» («конфликты развития»), в ходе которых, собственно, и реализуется процесс модернизации»¹⁴.

В рамках данного подхода и развернулось официальное обоснование современного курса России к «суверенной демократии»¹⁵. Первоначально термин был использован в программной речи В.Ю. Суркова перед партийным активом «Единой России»¹⁶. Впоследствии к этому термину неоднократно обращались в публичных выступлениях С.Б. Иванов, В.В. Путин, Б.В. Грызлов. Согласно идеологической парадигме «суверенной демократии» Россия как суверенное государство оставляет за собой право самостоятельно определять сроки, формы и методы движения к демократии. Главный смысл суверенитета – это политический синоним конкурентоспособности России в системе взаимоотношений со странами «традиционной демократии».

На наш взгляд, одной из предпосылок обоснования своей собственной модели демократии для кремлевских идеологов и политтехнологов стало особое отношение к конфликтам в политической культуре россиян, на которое оказало воздействие конкретно-историческое развитие России в 1990-е гг.

Очевидно, что в результате неэффективных преобразований начала 1990-х гг. российские граждане разочаровались во многих демократических институтах и ценностях.

Парламент как институт потенциально и объективно неизбежного столкновения и борьбы идей, интересов и ценностей стал восприниматься как место демагогических заявлений, борьбы депутатов за свои корыстные интересы, лоббирования интересов олигархических группировок. Исходя из таких негативных представлений одним из оснований «суверенной демократии» кремлевские политтехнологи стали выстраивать партийную и соответственно парламентскую систему, в которой должны синтезироваться, с одной стороны, демократизм (наличие нескольких формально конкурирующих партий

и фракций), а с другой – предсказуемость и стабильность. Соответственно и меньшая конфликтность.

Конструирование «Едиства», а затем «Единой России» и создание фракции большинства в парламенте хорошо наложились на негативное восприятие в массовом сознании россиян деятельности предшествующих составов Государственной думы. Теперь пропрезидентские СМИ стали формировать имидж парламента не в качестве института, в котором объективно «конфликтуют» представители различных социальных групп, а в качестве института, который занимается конструктивной работой по законодательному обеспечению инициатив Президента Российской Федерации. Главная роль в такой конструктивной работе принадлежит фракции «единороссов», которая позиционирует себя в качестве представителей большинства населения. Парламентские конфликты, которые периодически инициируют оппозиционные фракции, представляются общественному мнению как «деструктивные» элементы, мешающие успешной работе фракции «общенародной» партии, но успешно ею преодолеваемые.

Для того чтобы уменьшить конфликтность и соответственно «деструктивность» парламентской деятельности по реализации политики Президента Российской Федерации, гражданам внушают необходимость появления в парламенте еще одной «общенародной» конструктивной партии, например «Справедливой России». С одной стороны, она будет «оппозиционной» «единороссам», правительству, другим политическим партиям, а с другой – это будет партия «альтернативного» (предсказуемого) варианта поддержки инициатив Президента Российской Федерации.

Еще одним направлением «удовлетворения» накопившейся общественной «потребности» в уменьшении конфликтности политических процессов в современной России стала эволюция избирательной системы.

Отмена прямых выборов глав субъектов Российской Федерации явно и неявно обосновывалась их конфликтностью, «грязными» технологиями, непредсказуемостью взаимо-

отношений с региональными законодательными собраниями, мэрами, с региональными элитными группировками, с региональными партиями, с федеральным центром. Теперь данная зона потенциальной конфликтности сведена до минимума и поставлена под жесткий контроль общефедеральной «вертикали власти» в качестве ее интегрированного системного элемента.

Мажоритарная система относительного большинства, по которой избиралась половина депутатов Государственной думы также была отменена на основе подобных аргументов правящей партии. 225 одномандатных округов были отменены как конфликтные зоны, где сталкивались личные амбиции политических лидеров общефедерального и регионального уровня, интересы политических группировок и кланов, бизнес-элит, политических партий, организованных преступных групп, где на основе «грязных» технологий в борьбе за власть бессмысленно и безвозвратно (с точки зрения общественных интересов) тратилось огромное количество ресурсов различного рода.

Место такой избирательной системы на выборах в Государственную думу заняла пропорциональная избирательная система, в основе которой лежит борьба крупных федеральных политических партий. Они должны отвечать ряду достаточно жестких условий, что кардинально уменьшает число субъектов политики на выборах этого уровня, что само по себе снижает степень конфликтности выборов в глазах рядового избирателя. Крупным партиям в силу своей респектабельности (либо стремления позиционировать себя таковыми) нецелесообразно выходить за рамки законодательных ограничений и моральных приличий в борьбе друг с другом, что также делает выборы менее конфликтными в массовом восприятии.

Наконец, еще одним фактором, уменьшающим конфликтность взаимоотношений между обществом и властью и отдельными субъектами политики в массовом сознании, стало усиление государственного контроля за СМИ. Очевидную недемократичность преобразований в данной сфере и ограничение прав граждан на доступ к альтернативным

источникам информации обосновали необходимостью уменьшения неконтролируемых потоков «чернухи» и «порнухи», негативно оцениваемых большинством населения.

В целом анализ данной проблемы позволяет сделать вывод, что модель «суверенной демократии», с точки зрения массового восприятия конфликтов и их места и роли в политической жизни, представляет собой систему взаимоотношений между обществом и властью, которая эксплуатирует ментальные особенности политической культуры россиян, складывающиеся на протяжении многих столетий, консервирует их и укрепляет на уровне рационального обоснования. Происходит очередная «мимикрия политического режима» не к реальным потребностям общества в развитии демократии, а к его социально-психологическим и социокультурным особенностям.

Формируется политическая модель, в которой нет места адекватному восприятию политических конфликтов как нормальному общественному явлению, нет места формированию политических и правовых институтов и механизмов разрешения данных конфликтов на основе наличия особых социальных интересов и осознанной деятельности по защите этих интересов представителями различных социальных групп российских граждан.

Это модель, в которой изначально объективно существующие конфликтные противоречия и интересы институционально сведены к минимуму как вредные, деструктивные. Тем самым формируется модель имитации бесконфликтного общественного состояния, а реально существующие противоречия загоняются вглубь и решаются правящей элитой по своему усмотрению, исходя из логики собственных интересов, без привлечения мнения населения и его активного политического участия. «Вот придет барин — барин нас рассудит».

Примечания

¹ Цит. по: Политология / Под ред. М.И. Марченко. М., 1999. С.380.

² См.: Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? (Европейские истоки и современность как всеобщее состояние) // Полис. 2002. №1.

³ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопр. философии. 1990. №3. С.143.

⁴ Шугуров М.В. Конституционализация международных норм прав человека и российское правосознание // Общественные науки и современность. 2006. №2. С.68.

⁵ См.: От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991.

⁶ Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования. М., 2000. С.79.

⁷ Там же. С.80.

⁸ См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003.

⁹ Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. №1. С.135–136.

¹⁰ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 109, 166.

¹¹ См.: Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. С. 63.

¹² См.: Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». М., 1996. №2. С.49.

¹³ Динь Ты Хоа. Политические конфликты в процессе демократизации общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. С.36.

¹⁴ Медведев Н.П. Политический консенсус в условиях российского федерализма: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000. С.22.

¹⁵ Само понятие впервые было введено гоминьдановским правительством для того, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, суверенитет Тайваня, его независимость от центрального китайского правительства, а с другой – формально демократический, многопартийный характер устройства тайваньской политической системы, в противоположность континентальному Китаю, жестко управляемому КПК. В политической риторике официальных лиц современной России этот термин получил новое смысловое наполнение.

¹⁶ Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108> 28.06.2006 18:05 МСК.

Слово молодым политологам

УДК 321.01(09) + 929 Устрялов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н.В. УСТРЯЛОВА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.В. Бульчѐва

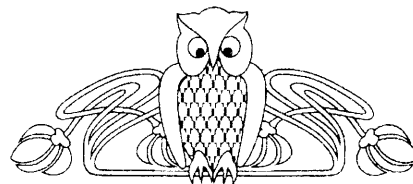
Саратовский государственный университет
кафедра политических наук
E-mail: _marina74@mail.ru

Статья посвящена выяснению степени изученности политических идей Н.В. Устрялова – русского эмигранта, которого называют основоположником и главным теоретиком национал-большевизма. Подчеркивается важность наследия русского мыслителя для анализа современного идеологического спектра, в котором нуждается современная Россия.

Native Literature on N.V. Ustrjalov's Political Views: State in Prospects

M.V. Bulychova

The article is about find out a degree of understanding of the political idea of N.V. Ustrjalov. He is the Russian emigrate and the founder and the main theorist of the nationalism-bolshevism. This article emphasizes the Russian thinker's heritage is important for the analysis of all political ideas in modern Russia.

В настоящее время под воздействием меняющейся политической ситуации в нашей стране происходит переосмысление ценностей, понимания национальной значимости идей прошлого. Особенно актуализировалась проблема исследования политической мысли той части пореволюционной эмиграции, в которой после Октябрьской революции 1917 г. произошел пересмотр национальных особенностей, традиций и усилился консерватизм их трактовки. Обратившись к идеям нации, государственности, они дали мировой политической науке богатый